

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Письмо П. Я. Чаадаеву

(1850)

Вы сообщили мне Ваше письмо к одной даме¹ с тем, чтобы я откровенно сказал свое мнение о взглядах, в нем изложенных, на два действительно существенных и важных вопроса христианской церкви: о свободе церковной и о догмате Filioque, послужившим одною из причин несчастного разделения церквей — Восточной и Западной.

На мнения, изложенные в письме, позвольте и отвечать письменно, хотя и не на том языке, на котором написано письмо. Но о вопросах христианства, проповеданного всем языкам, можно говорить и писать на всех языках.

Вы начинаете письмо отрывком из проповеди Массильона, произнесенной в Версале в присутствии короля французского, в которой оратор напоминает ему, что власть королю дается народом и потому его жизнь и действия должны быть посвящены благу народному. Если бы нужно было оценивать мнение Массильона, то, конечно, в нем нельзя было бы не заметить галликанского прелата, позволяющего себе иногда противоречить Западной церкви, которая произвела и развила вполне и последовательно учение о происхождении верховной власти от Бога, о так называемом *jure divino**. Но Вы оставляете в стороне оценку самого мнения проповедника и рассматриваете только его слова как смелый поступок, возможный единственно при свободе церковной, которая в свой черед возможна только тогда, как Вы полагаете, когда церковь имеет свое самостоятельное средоточие, являющееся в лице верховного первосвященника, или Папы.

* Божеское право (*лат.*).

Прежде нежели скажу, справедливо ли кажется мне или несправедливо последнее мнение, позволю себе, подражая Вашему рассказу о случае из жизни французского проповедника, рассказать другой, несколько похожий на него, случай.

В эпоху бешенства власти одного из царей Московских митрополит Филипп в Успенском соборе, в глазах народа, когда царь, предводя толпою опричников в странных костюмах, явился в храм и подошел к митрополиту, прося благословения, говорил Иоанну: «Не узнаю царя русского, мы здесь приносим бескровную жертву, а за алтарем льется кровь христиан невинных. С тех пор как сияет солнце на небе, не видано и не слышно, чтобы христианские цари так терзали собственную державу. В царствах языческих есть закон и правда, есть милосердие к людям — в России их нет. Достояние и жизнь граждан не имеют защиты, везде грабежи и убийства совершаются царским именем. Ты высок на троне, но есть судия Всевышний наш и твой. Как предстанешь на суд, обогранный кровию невинных, оглушаемый воплями их мучений, камни под твоими ногами вопиют о мести. Государь, я говорю как пастырь душ, который боится только одного Бога»². Спустя несколько времени, как Вам известно, митрополита в темнице задушил опричник царский.

Не правда ли, поступок русского митрополита в том же роде, как и рассказанный Вами. И много можно бы напомнить подобных, начиная с первых времен церкви, времен мученических, и до настоящего, но они Вам известны и Вы согласитесь, что в них недостатка нет и быть не может; а я, с своей стороны, не могу, вслед за Вами, не принять их свидетельствами церковной свободы. Но вместе с тем замечу между приведенными Вами и мною поступками некоторое различие, и притом довольно важное. Представители церкви латинской могли гораздо смелее обличать злоупотребления светской власти, напоминать ей об ее обязанностях, нежели представители восточной церкви, и по самой простой причине: иностранец гораздо смелее может говорить о государственной власти, чуждой в отношении к нему и, следовательно, такой, которая в большей части случаев преследовать его не может. Он находится как бы вне ее границ и потому безопасен. Таково положение латинского прелата, подчиненного папе, в отношении к какому-либо из королей европейских. Не таково положение епископа церкви восточной, он гражданин того же государства, в котором представителя верховной власти он вздумал бы обличать; он не может защититься от преследований, если они последуют, и неминуемо падет

их жертвою. Ему нужно гораздо более смелости решиться на обличение, гораздо более самопожертвования. Но чем выше и смелее подвиг, тем может он служить большим свидетельством в пользу церковной свободы. Если же поступок, мною рассказанный, свидетельствует также о церковной свободе, то, кажется, нельзя согласиться с тем, что она возможна только в церкви, имеющей видимое средоточие в лице папы: митрополит Филипп не принадлежал к ней. Свобода церкви, впрочем, и не определяется ни Востоком, ни Западом и не зависит ни от папы, ни от патриархов. Церковь не может и существовать без свободы, ибо не существует без Духа Божия. О ней, кажется по преимуществу, можно сказать словами Писания: идеже дух Божий ту и свобода, и дух живущий в ней веет идеже хочет, и не имеет нужды постоянно выражаться в лице одного человека.

Итак, я не совсем согласен с изложенным Вами мнением, хотя и вполне соглашаюсь с желанием: да будет церковь свободна, или, лучше сказать, да будет церковь церковью, а не государством, хотя бы даже и церковным, и тем паче не приказом духовных дел в каком-либо государстве, хотя бы и христианском.

Признаюсь, не разделяю и Вашего мнения о *filioque* и об этом важном слове, разделившем церковь Христову, в ответ Вам, позволю себе сказать несколько слов.

Церковь приняла прибавление к символу, повинаясь власти папы, говорите Вы, не желая вводить раскола, — и делом повинования оправдываете церковь. Так можно оправдать не церковь, но только тех членов церкви, которые и должны повиноваться. Но если есть повинующиеся, то должна же быть и власть повелевающая. Она и действительно была и действовала в лице пап, допустивших прибавление нового слова к символу. Ее, конечно, нельзя в этом случае оправдать повинованием, потому что пришлось бы тогда сказать, что повиновалась она политической власти императора, которая еще прежде папы допустила и утвердила прибавление. Положим, правы беспрекословно повинующиеся, но могут ли быть правы повелевающие неправо исповедовать веру?

Не признавая правильным одно из доказательств в пользу прибавления к символу, я не могу, однако же, не согласиться с Вашим вторым замечанием. Осуждать западную церковь только за то, что она допустила прибавление, не входя в рассмотрение его сущности, было бы страшным забвением или незнанием истории нашей церкви. Символ со времен апостольских и до Никейского собора добавлялся постоянно и, позволю себе ска-

зять, развивался, разумея в этом случае развитие не самих догматов, но способа понимания сих догматов верующими и способа их выражения. Позволю себе прибавить даже: он может еще развиваться, если потребуется нужда. Большею частью действительно внешние в отношении к церкви обстоятельства — появление новых ересей, как Вы замечаете, — служили поводом к прибавлению к символу. Но какая же новая ересь подала повод западной церкви прибавить *filioque*? Конечно, не старые ариане, против мнений которых уже достаточно защитили церковное исповедание Вселенские соборы. Обратив внимание на историю, нельзя не заметить, что поводом к прибавлению послужило новое прение, спор личных мнений, возбудивший вопрос, который неправильно разрешил один из местных соборов и принял под свою защиту император.

Оправдывать прибавление ревностью церкви к почитанию Спасителя, которая отчасти даже перешла предел, кажется, тоже нельзя; такое оправдание возможно еще для частных лиц, часто в делах веры ревнующих не по разуму; но можно ли так оправдать церковь? Отцы восточной церкви, произнося анафему некоторым из мнений Оригена, не позволяли, однако же, произнести <ее самому писателю. Они пропели ему вечную память, зная искреннюю его веру и святость жизни, признавая всегда возможным заблуждение для слабого разума человеческого, греховного дела и ложного мнения при самом добром и правильном намерении. Но что возможно и простительно человеку, что терпит и прощает церковь, то невозможно для самой церкви, в ней же живет Дух Господень, не заблуждающийся, не ревнующий не по разуму.

Оправдывая таким образом западную церковь, самое оправдание обличает ее и лишает значения церкви — западных христиан так оправдывать можно, и всякий христианин искренне пожелает, чтобы они так оправдались. Но дабы оправдать церковь, необходимо доказать справедливость самого учения, заключенного в прибавлении *filioque*.

Вы не входите в рассмотрение сущности самого учения, и я не войду в толкование одного из самых глубоких вопросов христианского богословия; позволю себе сказать только одно замечание. Положим даже, что и частный спор может послужить поводом церкви сделать прибавление к символу и точнее выразить исповедуемый догмат, положим даже, и поместный собор может сделать такое прибавление; но согласие всей церкви признает его впоследствии вселенским и новый Вселенский собор утвердит его силу. Так бывало, но не знаю и сомневаюсь, быва-

ло ли, чтобы новое прибавление к символу возбуждало раздоры в церкви и разделило бы ее на две половины. Плоды нового учения не свидетельствуют в его пользу.

В заключение позвольте принести Вам искреннюю благодарность за то удовольствие, которое Вы мне доставили, позволив прочесть прекрасное письмо Ваше и даже снисходительно потребовав непременно моего мнения о мыслях, в нем изложенных.

